

Драко

Ад на двоих

Сказка

Пролог

Тишина, бывает, способна поведать о большем, нежели сотни и тысячи звуков. Я упивался тишиной. Она ласкала меня, нежно и уверенно шептала – ты ещё жив. Никогда не думал, как приятен может быть синий цвет и глубокая, оглушающая, всеобъемлющая, неповторимая тишина.

Чувство времени пока не вернулось. Я видел, как где-то в высоте, заслоняя небо, проносятся странные существа, смутно ощущал их прикосновения. Это продолжалось долго, или мгновения, мне было всё равно. Я упивался тишиной.

Потом, очень медленно, тишина стала отступать. Вначале появился ритмичный стук: где-то билось моё сердце. Я долго, или мгновение, слушал его удары. Откуда-то я точно знал, что сердце однажды останавливалось, но ему не дали застыть навеки. Хорошо это, или плохо, мне было безразлично.

Когда сквозь оглушительно тихий гром стали пробиваться первые звуки, я уже понимал, что нахожусь в лесу. Как я сюда попал? Память ускользающим клубком металась в черепе. Впервые, с тех пор как я очнулся посреди синей тишины, вернулась боль.

Я не мог вспомнить. Даже имя. Завеса боли надёжно отделила меня – сейчас от меня – прошлого, боль мешала мечтать. Мечты несли боль. Как долго я здесь? Где – здесь? Кто я?

Чувство времени постепенно оживало. Мечущиеся существа замедлились,

обрели знакомый, родной облик. Одно из них – почему-то я твёрдо знал, это она – появлялось особенно часто. Скоро я научился отличать её голос от других. Слова, если то были слова, пока оставались непонятны.

В сознании медленно, слишком медленно, вращались жалкие тени воспоминаний. Мерцающий свет у глаз... Кажется, меня пытаются вернуть к жизни. Она стоит рядом, я чувствую прикосновение. С трудом понимаю выражение её лица. Тревога? Жалость... Сострадание. Я уже мог двигать головой, и попытался кивнуть, желая хоть немного успокоить свою хранительницу. Вот оно. Я вспомнил. Хранительницы, они следят за здоровьем, спасают жизни. Значит, я дома. Как приятно звучит это слово.

Она что-то сказала, я не понял. Наверно, пострадал слишком сильно. Знаний о других языках в памяти не было, но голос хранительницы пробудил во мне странное, незнакомое чувство. Откуда-то пришла уверенность, что я уже слышал этот язык. Где – пока оставалось неясным, но уверенность крепла с каждым мгновением. И следующие слова я распознал без колебаний:

– ...мало времени. Пожалуйста, очнись, я не знаю дороги! Ты слышишь меня? Если да, закрой глаза...

В голосе чувствовались тревога и сострадание. Приложив значительное усилие, от которого в голове взорвался чёрный шар боли, я заставил свои губы чуть изогнуться в улыбке.

– Мне... – хотел сказать, что мне уже легче, но это оказалось выше моих сил. Голос сорвался, в горле словно вспыхнул костёр. Хранительница поспешно коснулась моей руки.

– Пожалуйста, не напрягайся. Слава предкам, ты выдержал...

"Что выдержал?" – хотел я спросить, но костёр из горла переместился в разум. К счастью, прежде чем боль стала невыносимой, пришла темнота.

И тишина.

Тишина, иногда, бывает удивительно тёмной.

1: Арденский лес

Второй раз, очнувшись, я расслышал далёкий, очень тихий звук. Разум не помнил, откуда ему знаком этот звук, но сердце уже судорожно забилось, вспенив кровь и погнав её по жилам моего ослабевшего тела. Я знал этот звук. Слишком хорошо знал.

Некоторое время я мучительно терзал память, пока из мутной мглы не всплыла картина: широкая тёмная дорога, окаймлённая изуродованными деревьями. Свора громадных псов. Охотничий рог! Кажется, я сражался... Да, всё верно, я убивал этих собак, кромсал их клинком из белого дымчатого стекла, и каждая капля оранжевой крови дымилась, прожигая мою плоть, а тела мёртвых зверей медленно поднимались к небу, орошая дорогу ядовитой...

Нет! Стиснув зубы, я заставил себя сесть. Это осталось в прошлом. Навсегда. Я поднялся на седой перевал и одолел Грань, в день когда тысячи звёзд пели о тьме, жаждущей пламени. Тёмная дорога сюда не дотянется. Подумав об этом, я впервые обвёл взглядом место, где вернулся к жизни, и невольно замер, потрясённый.

Вокруг и в самом деле был лес.

Но какой...

Изумительные деревья мчались навстречу свету, могучие, гордые, их кроны шелестели в недостижимой высоте. Лучи Солнца, разодранные в клочья, устлали землю кружевным узором. Трава... Цветы! Я понял, что готов кричать от восторга, видя эти цветы! Бездонное небо простиралось из вечности к горизонту, в каплях росы отражалась Вселенная. Меня окружала жизнь, бесконечная жизнь, чувство силы наполняло воздух. Красота и мощь хлынули в мою душу исцеляющим звездопадом.

На миг все тревоги отступили, подавленные величием леса. Мне пришлось напрячь волю, чтобы согнать наваждение и вернуться в реальность. Оглянувшись, я увидел небольшую пещерку, выкопанную под корнями колоссального дерева. Там горел костерок.

...Она сидела спиной ко мне, вращая над огнём вертел. Линии её тела, их совершенная гармония мгновенно вызвали в памяти лицо. Лэя! Я знал её. Я знал её раньше, очень хорошо знал, мы были близки... Или нет? Тело моё кричало, что да, но

разум продолжал сомневаться.

Судорожно втянув воздух, я нашёл в себе силы позвать:

– Лэя...

Голос вновь сорвался. Но она услышала и быстро обернулась. В глубоких, светло– изумрудных глазах промелькнула радость.

– Тебе легче? – подбежав, она опустилась в траву рядом со мной. Аромат её тела коснулся ноздрей, взгляд мой на мгновение помутился. Собрав волю в кулак, я заставил себя отвлечься.

– Что случилось? Как я... Как мы здесь оказались?

Лэя оскалила сверкающие белые клыки в гримасе ненависти:

– Все кроме нас погибли.

Я нахмурил брови, пытаюсь вспомнить. Мелькнула смутная картина: крылатые существа, с острыми, хищными клювами, блеск солнца в стальных когтях, брызги крови на песке. Мы бились с ними... Нет! Мы вместе с ними отражали атаку отряда мерзких существ. Я помню! У врагов было странное оружие, они стреляли очередями, перебрасывали друг– другу чуть изогнутые чёрные магазины...

Ахгрррр!

– Проклятие! – я зажмурился. – Автоматы.

Она замерла:

– Ты вспомнил? Вспомнил дорогу?

Мне было больно помнить. Я не хотел помнить!

– Да. Они несли автоматы. В этом мире не должно быть автоматов, но у них были.

Лэя облегчённо вздохнула.

– Слава предкам, мы сможем продолжить путь... Кауран, ты выдержал! Идём, – она поманила меня к костру. – Поешь. Ты дрался как бог, я ещё не видела такого мастерства. Вы с Азретом перебили всех гончих!

Меня зовут Кауран. Теперь я помню. И ещё я вспомнил Азрета, моего брата, с которым постоянно дрался за право обладать Лэей. У меня были дети, я помню – двое. Мои дети. Я целый месяц не подпускал Азрета к логову, чтобы быть уверенным.

– Лэя, Азрет погиб?

Она молча отвернулась к костру. Я невольно издал низкое, утробное рычание.

– Он принял достойную смерть, – не поворачиваясь, сказала Лэя. – Забрал четверых.

С трудом поднявшись, я осмотрел себя. Тот, кто предстал перед моими глазами, был крупным, серебристо–серым зверем с чёрными падпалинами на боках и блеклыми леопардовыми узорами по шерсти. Тигриный хвост, мощные мышцы, втяжные когти на всех пальцах – я был хищником. Однако телосложением я напоминал человека, хотя превосходил их размерами, шириной плеч и шеи. Это казалось необъяснимым. Я помнил, что раньше был другим.

– Что с нами случилось? – спросил я растеряно. Лэя оглянулась:

– После перехода мы получили новый облик.

Мы? Лишь теперь я осознал, что Лэя тоже изменилась. Она стала гибкой, иссиня–чёрной, перламутрово–сверкающей пантерой, столь прекрасной, что одного взгляда в её сторону было достаточно, чтобы...

Стиснув зубы, я яростно дёрнул хвостом. В этот миг вновь раздался звук, вернувший меня из небытия. Лея вскинула голову.

– У нас мало времени, – сказала она. Её усы встопорщились. – Охотники напали на след.

Я встал. Голова пока кружилась, но силы возвращались удивительно быстро. Странности с памятью лучше оставить на потом. Что-то мне подсказывало, времени действительно оставалось немного.

– Кто гонится за нами? – спросил я.

– Один из местных, – Лэя скрипнула зубами. – Знатный охотник. Предпочитает травлю.

– Где моё оружие?

Она вздохнула.

– Перед самым переходом ты метнул меч в командира тех, пятнистых...

Я уже вспомнил это и сам. Пальцы невольно сжались.

– Вставай, – я схватил её за плечо. – Надо бежать навстречу.

Лэя нахмурилась:

– Их много, Кауран. Несколько всадников, три десятка псов. Есть арбалеты.

Лучше продолжить путь, они не догонят...

– Нет, – в груди моей kloкотало рычание. – Я справлюсь. Нам нужно оружие и кони. Времени почти не осталось, Лэя.

– Да, – согласилась она. – Времени мало.

Мы затоптали костёр и наскоро перекусили недожаренным зайцем. Я чувствовал прилив сил. Недомогание осталось в прошлом, если не считать провалов памяти.

Лэя первой нырнула в изумрудную чашу. Я беззвучно скользил следом.

***

Их в самом деле было много. Шесть всадников, тридцать шесть собак. Лес в этом месте был не таким густым, как там, где я очнулся, и охотники двигались верхом, пустив собак вперёд. Предводитель – высокий человек, в белых чешуйчатых доспехах, ехал на громадном чёрном коне с огненными глазами. Собаки, бежавшие перед ним, остервенело рычали и тявкали. Я сразу узнал адских гончих, с которыми сражался до перехода.

Мы с Лэей долго разглядывали охотника в белом. Он был красив, как гриб ядерного взрыва, если смотреть издали. Темные волосы ниже плеч, ничего не отражающие голубые глаза. Его доспехи были совсем белыми, словно эмалированными. Я видел этого человека раньше.

Много раз видел. И я ненавидел его, как ненавидел всех, подобных ему, отнимающих жизни из развлечения, убивающих для удовольствия. Я и сам не раз убивал – таких, как он.

– Желтоволосый на чалом коне, – негромко сказал я. Этот охотник немного отстал от других и скакал последним. Кивнув, Лэя растворилась в кустах. Я бесшумно скользнул в другую сторону.

Себе в жертву я избрал пожилого мужчину в зелёной охотничьей одежде. Его вороной жеребец, кажется, почувствовал мой взгляд за мгновение до прыжка – он всхрапнул и мотнул гривой, но я уже взвился в воздух. Выбил всадника из седла, одним прыжком пересёк открытое место и скрылся в кустах. Спустя мгновение ко мне присоединилась Лэя.

– Держи, – я протянул ей короткий кинжал. – Таким оружием охотники добивают подранков.

– Уже есть, – коротко ответила она. Кивнув, я взял в зубы четыре стрелы, зарядил в арбалет пятую и беззвучно побежал следом за отрядом. Чёрная шерсть Лэи мелькала среди деревьев.

Застрелить спутников белого охотника оказалось нетрудно. Лишь один успел закричать, но он был последним, и услышал его только сам предводитель. Прежде, чем тот повернулся, в его панцирь одновременно ударились две стрелы: моя и Лэи. Обе со звоном отлетели.

Человек проявил себя неглупым: резко свистнув, он послал в нашу сторону собачью свору, а сам спрятался за конём, безошибочно определив, откуда стреляли.

– Займись собаками, – Лэя взяла свой кинжал в зубы.

– Будь осторожна.

Она мощным прыжком взлетела за дерево и скрылась среди ветвей. Я остался наедине с тридцатью шестью обезумевшими от ярости псами.

Прыжок, взмах, удар, удар, удар. Тридцать три. Запрыгнуть на дерево, сверху два удара, схватить пса за шкуру, тошнотворное бульканье. Двадцать девять. Свеситься с ветки, второй кинжал под челюсть, повернуть, рывок обратно, полоснуть по морде скулящего пса! Двадцать шесть...

– Он исчез! – Лэя спрыгнула на мою ветку. Я свирепо огляделся.

– Как исчез?

– Не знаю. Когда я подбежала, ни его, ни коня уже не было.

У подножья дерева рычала, визжала и скулила свора. Они рвали трупы своих собратьев, пасти у многих были окровавлены. Шерсть на моих руках покраснела, с кинжалов капала кровь. Запах смерти дурманил рассудок.

– Берём коней, – сказал я. – Надо спешить.

Лэя сузила глаза.

– Ты точно помнишь дорогу?

– Узнаем по пути, – усмехнулся я.

Мы посмотрели вниз. Собаки продолжали рычать и прыгать у дерева, пена покрывала их пасти. Несколько псов остервенело грызли ствол.

– Они погонятся, -заметила Лэя.

Я молча облизнул кинжал и спрыгнул на землю.

***

К вечеру мы покинули лес и продолжили бешеную скачку по равнине. Вдали, утопая в дымке, возносилась гигантская одинокая гора, её склоны отливали лиловым. Я знал имя этой горы. Все дороги мира вели туда. Там находилась наша цель.

Грифоны напали ночью, когда мы поили измучанных коней. Свист перьев, блеск луны в орлиных глазах – и отчаянное ржание. Я чудом успел броситься в воду, когда надо мной промчались две крылатые тени.

Мгновением позже речка с плеском приняла чёрное тело Лэи. Мы плыли под водой так долго, как могли, надеясь, что грифонам хватит наших бедных лошадок и они не станут выслеживать всадников. Так оно и вышло: вынырнув, мы услышали ниже по течению хруст и характерные гортанные крики.

До самого утра мы бежали. Гора стала немного ближе, но путь ещё предстоял долгий. У меня вновь разболелась голова, к тому же я был голоден. Лэя вчера успела поесть.

Меня грызли сомнения. Я не понимал, зачем мы спешим и что ждёт в конце пути. Властная сила гнала нас вперёд, я чувствовал, что всё делаю правильно – но почему, почему? Ответов на вопросы не было. Лэя сказала, что следует за мной из любви. Куда мы бежим, она не знала.

Вечером этого дня мы достигли морского побережья и видели сражение между двумя остроносими парусниками и огромным морским чудовищем, похожим на сверкающую рогатую змею. Зверь одержал победу и потопил корабли, хотя сам получил тяжёлые раны. Кровь у него была золотая.

Заночевали у подножья одинокого утёса. Ночью разразилась гроза, молнии сверкали почти непрерывно, хотя дождь так и не пошёл. Утром волны выбросили на берег много рыбы. Мы сытно поели.

Этим днём мы встретили раненого крылатого ящера, чем-то похожего на дракона. Он лежал в колючих кустах и смотрел на нас большими желто–зелёными глазами. Когда мы пробежали рядом, ящер зашипел, но не сделал попытки напасть. Я чувствовал в воздухе напряжение.

Сомнения мои росли вместе с горой, к которой мы приближались. Ночами, засыпая в объятиях Лэи, я размышлял над странным провалом в памяти, пытался вызвать картины прошлого. Смутные видения было трудно понять.

Однажды пригрезилось, будто я падаю в скоростном лифте вдоль сверкающей громады небоскрёба. Внизу рушился прекрасный город, здания разлетались в щепы, из трещин навстречу небу рвались гейзеры пламени. Самым удивительным было могучее, всеобъемлющее чувство наслаждения, которое я испытывал, падая в объятия смерти.

В другой раз я увидел себя на гигантской стеклянной поверхности, под ней просматривался странный, удивительный серебряный мир. С высоты было плохо видно людей – они бегали между округлыми, будто оплавленными зданиями, паутина канатов и монорельсов безвольно трепыхалась. Недалеко от меня группа окровавленных солдат в изорванной, опалённой синей форме, пыталась втащить на поворотную турель нелепую длинноствольную пушку. Паника и обречённость висели в воздухе.

Вдали, на горизонте, уже были видны чёрные силуэты транспортных самолётов. Они везли десантников, получивших приказ вырезать всё население серебряного города. Один–единственный истребитель мчался им навстречу. Я знал, что пилота зовут Грэхэм, знал, что он погибнет, не успев задержать врага – я знал это – и наслаждался этим! Даже сейчас, на берегу, в объятиях пантеры, я проснулся в холодном поту. То была не моя память!

Или моя?..

К середине третьего дня мы наконец добежали до подножья горы. Узкая винтовая лестница вела на вершину. Лэя хотела идти первой, но я не позволил. Мы начали восхождение ровно в полдень.

Шли много часов. Солнце давно опустилось к горизонту, окрасив небо в пурпур, в бесконечности одиноко парило облачко, похожее на парусник эльфов. Чем ближе мы

поднимались к вершине, тем тяжелее было идти, словно некая сила не хотела пускать нас в город, ждавший наверху. Порывы холодного ветра цеплялись за шерсть.

– Кауран, – негромко позвала Лэя, когда мы прошли половину пути и оказались на другой стороне горы. – Смотри.

Я смотрел. Далеко внизу, у подножья, шёл бой. Тёмная дорога из моих кошмаров, она явилась сюда и вонзила своё ядовитое тело в скалу. Орды существ накатывались из тумана, защитники горы отчаянно отбивались. Убитые горели дымным оранжевым пламенем.

В памяти сами собой возникли строчки:

– Я ловил капли крови с горящих тел, я смотрел на огонь сквозь призму снов...

– В бесконечной борьбе ты меня одолел, я погиб от копья из жестоких слов, – эхом отозвалась Лэя. Мы переглянулись.

– Что это значит? – спросил я.

– Не знаю, – ответила она. И мы продолжили восхождение.

Лишь ночью добрались мы до вершины. Вдали сверкал неземным светом величественный город, в бездонном небе танцевали звёзды. Мир был прекрасен, и нам не хотелось его покидать. Но вокруг стояли солдаты.

Мы сражались как звери. Я бросал их в пропасть, рвал, терзал клыками и ломал кости, Лея билась за моей спиной. Её предсмертный хрип на мгновение остановил мне сердце.

Этого мгновения оказалось достаточно: меня проткнули мечом и столкнули с вершины Колвира. Я падал раскинув руки, лицом вверх. Из раны ритмично, в такт с пульсом, выплёскивалась кровь.

2: Лунный снег

Тьма отступала неохотно. Цеплялась за каждый бугорок, каждое деревце, уродовала снег шрамами теней. Ночные шорохи стихли, лишь время от времени, когда деревья распрямляли тяжёлые ветви навстречу рассвету, безмолвие нарушал шум

падающего снега. Вставало белое Солнце.

Блекло— голубое зимнее небо казалось слепым. Немногочисленные облака апатично висели в высоте, слишком ленивые чтобы закрывать собою солнечный свет, лёгкий ветерок гнал прочь последних призраков тумана. Из балок и оврагов поднималась холодная, глубокая тишина.

Поперёк одной из таких балок с осени лежал могучий ствол погибшего дерева. Много лет дожди подмывали его корни, медленно лишая сил и жизненных соков, пока наконец холодной ноябрьской ночью, вечный враг деревьев, ветер, не одержал победу над ослабевшим исполином. Ствол постепенно гнил, но пока ещё был крепок и служил надёжным мостиком для всякого, желавшего перебраться через балку.

За минувшие месяцы мёртвое дерево помогло многим. Несколько раз оно спасало жизнь загнанным жертвам, в другие дни, напротив, с его помощью хищники находили пропитание себе и своим семьям. Однажды вечером, в погоне за зверем, балку попытался перейти человек, но он охотился из развлечения, поэтому дерево помогло ему подскользнуться и упасть на острые сучья. Волки, прибежавшие позже, были голодны. С ними ничего не случилось...

Я вскочила и судорожно огляделась. Сны мёртвого дерева ещё не покинули меня, реальность казалась призрачной. Холодный огонь изливался с неба на снег.

С трудом переведя дыхание, я осмотрела себя. В этот раз переход дал мне стройное, но вместе с тем нелепое тело пернатого ящера. Хвост мой дрожал от пережитого страха, запястья довольно коротких передних лап – вернее, рук, украшали султаны из фиолетовых перьев. Ощупав лицо, я живо представила слегка укороченную морду динозавра с большими глазами и развитыми надбровными дугами. Зрение тоже стало иным, с непривычки голова немного кружилась. Однако память никаких фокусов выкидывать, кажется, не собиралась: я помнила и лес, и охоту, и бег по равнине к подножию Колв...

Кауран! Где он?! Судорожно подпрыгнув, я склонилась и принялась нюхать снег. Запах ощутила сразу – я раньше никогда не встречала подобного, но почему-то была уверена, что он принадлежит Каурану. Надо бежать по следу.

Я нашла его в уютной пещерке под корнями громадного старого дерева. Он жарил зайца над огнём. Увидев меня, Кауран улыбнулся, растянув тонкие чешуйчатые

губы. Он был прекрасен. Я вспомнила, как он сражался за меня с девятью самцами, а потом охранял гнездо, чтобы никто не похитил яйца. У нас было двое птенцов...

– Лэя, – он поманил меня к костру. – Иди, поешь. Ты сражалась как богиня, я никогда не видел такого мастерства. Мы перебили почти всех солдат!

Чувство неправильности захлестнуло мой разум. Сглотнув, я медленно опустилась в снег напротив Каурана. Он улыбался.

– Что с нами случилось? – спросила я немного дрожащим голосом.

Он встопорщил хохолок перьев.

– После перехода мы получили новые тела.

– Но мы погибли! Нас убили солдаты!

– Погибли? – Кауран удивлённо моргнул. – Мы не можем умереть, Лэя.

Я отпрянула.

– Почему?!

– Не знаю, – он вздохнул. – Только с этим ничего не поделаешь. Иди, поешь – у нас мало времени.

– Мало времени? – переспросила я тихо. Но ещё раньше, чем Кауран ответил, я всей душой ощутила его правоту. У нас действительно мало времени. Надо бежать на север, к упавшей Луне. Туда ведёт Тёмная дорога, скованная вечной мерзлотой.

Там наша цель.

Мы затоптали костёр и наскоро перекусили жареным зайцем. Я первой нырнула в белую чащу. Кауран бежал следом.

***

Бежали весь день. Зимний лес вскоре остался позади, вокруг раскинулась заснеженная степь. По левую руку вздымались холмы, плавно перетекавшие в мрачный горный хребет, уносившийся за облака. Дул ледяной ветер.

Нас вновь тянула вперёд неизвестная сила. Кауран был спокоен, он надеялся на меня. А я? На кого надеялась я? Мы бежали по ослепительно– белой равнине, не проваливаясь в снег, поскольку на ногах, между пальцами, у новых тел имелись прочные перепонки. Стоял жуткий мороз, но нам не было холодно. Форма жизни,

приспособленная к среде...

Вечером я заметила на горизонте нечто. Кауран сказал, что это не может быть нашей целью – слишком далеко, но я уже чувствовала: нам предстоит добраться туда. Надо поймать снежных антилоп, иначе мы опоздаем. Времени осталось немного...

Поужинали остатками зайца и легли прямо на снег. В новом теле Кауран был обворожителен, несмотря на мороз нам было жарко. Мы долго не засыпали.

Утром я заметила следы снежных антилоп. Мы долго бежали за ними, пока не встретили большое стадо, возглавляемое старым винторогим самцом. Заметив нас, антилопы пустились наутёк.

Кауран успел метнуть самодельное боло, спутав ноги молодой самочке. Её спутник бросился на нас, спасая подругу, и я швырнула его в снег точным ударом под горло. Остаток дня ушёл на приручение животных.

Следующее утро мы встретили в облаке бриллиантовой пыли. Антилопы смирились с пленом и несли нас на север, где белесое зимнее небо рушилось в объятия льда, где танцевали снежинки, никогда не знавшие Солнца. Мы мчались к Луне.

В морозной тиши висело чувство тревоги. Низкое, свинцовое небо давило на разум, солнечный свет остался позади. Вечером третьего дня, когда далёкая тёмная масса превратилась в чудовищный монолит, чьи склоны простирались из центра Земли за облака, нас атаковали гигантские белые птицы. Их было две, похожих на сов, растрёпанных, оголодавших. Мы чудом успели спрыгнуть с антилоп и затаиться в снегу.

Наши измученные скакуны, завидев птиц, в панике помчались прочь. Гигантские совы полетели следом, дав нам шанс тихо покинуть опасное место. Теперь впереди бежал Кауран, он сохранил больше сил.

Монолит приближался. Скоро стали видны кратеры и осыпавшиеся, едва различимые следы давно забытого города. Четвёртую ночь мы провели у подножья Луны, жалкие точки живой материи рядом с непредставимой, колоссальной, подавляющей массой камня. Я сидела, прижавшись к Каурану. Он гладил меня по голове.

– Куда мы бежим? – спросила я тихо. Кауран не ответил.

Ночью пришли видения. Я плавала в море с дельфинами, их песни летели к

бездонным глубинам, тревожа сны рыб. Это было прекрасно... Потом появился корабль, матросы принялись стрелять по дельфинам. Я не успела ничего сделать: невероятное существо поднялось из мрака, привлечённое смертными криками. Оно раскусило корабль пополам. Я ослепла от сияния его чешуи.

Чувство глубокого горя, обречённость и отчаяние разорвали мне сердце. Я кричала и не могла остановиться, я кричала и билась в воде, мечтая проснуться, но видя лишь небо, где безмолвно пылала звезда по имени Солнце. Ей было всё равно.

Сквозь сон я почувствовала объятия Каурана. Он понимал. Видение погасло, сменившись другим, теперь я стала деревом, и ветер ласкал мои листья, дождь поил сладкой водой, Солнце наполняло энергией. Я смеялась!

Разноцветные птицы свили гнезда в моих ветвях. Я следила за полётами их птенцов, радовалась каждому рождению и горевала о каждой смерти. В лесу, рядом со мной, жила семья крылатых существ. Они были прекрасны...

Потом в маленькой лодочке приплыл человек с именем птицы. Он убил всех крылатых детей и поработил их родителя, а я смотрела на это, не в силах помешать, у меня не было рук, чтобы остановить его, не было рта, чтобы кричать, глаз, чтобы плакать! Лишь листья мои пали жёлтым одеялом на могилы убитых малышей. Я проснулась в холодном поту и долго не могла опомниться.

Утром пятого дня мы начали восхождение на Луну. Чёрные птицы метались вокруг, предвещая нам гибель, в небе бушевала гроза. Теперь первой шла я.

И мы встретили змею, вмёрзшую в лёд, и посмотрели в глаза, застывшие до начала времени. В них не было счастья.

Тёмные молнии сверкали над нами. Я шла вперёд. Снег покрывал тело мёртвой Луны, белым саваном ниспадал на равнину, ледяные торосы отмечали наш путь. Вдали, среди светлого мрака, пылали глаза вечно молодого мертвеца, не знавшего своего имени. Теперь я понимала, куда мы спешим.

– Я войду первым, – сказал Кауран у пещеры. Но не успел это сделать. Серебряная молния пала с небес, превратив его грациозное тело в обугленный, содрогающийся клочок плоти. Я рухнула на колени.

– За что ты нас проклял?! – крик улетел тучам. Ответа не было.

Сила, тянувшая вперёд, исчезла. У меня осталось десять часов свободы, прежде

чем смерть вновь соединит нас с Каураном.

Я не стала ждать.

3: Стархэвен

В грязной воде отстойника отражалось небо, цветом похожее на ржавый бензобак. Вдоль полусгнившей ограды мёртвого завода тянулась широкая полоса мусора, он скапливался здесь годами и гнил, отравляя воздух на мили вокруг. Остовы машин, грязные тряпки, непонятного происхождения обломки, пустые банки и бутылки. Всё, что могло рассыпаться прахом за минувшие годы, давно рассыпалось. Крысы шуршали в останках эпохи.

Я очнулся от грохота. Что-то тяжёлое рухнуло на сгнивший автобус неподалёку, пробив его крышу и завершив путь в облаке ржавой пыли. Сплюнув, я повернулся на другой бок и продолжил спать. Посмотрю утром.

Второй раз я проснулся, когда солнце уже поднялось выше ограды. Вспомнив о грохоте, я помянул божью мать, выбрался из обломка цистерны, где провёл ночь, и отправился поглядеть на виновника шума.

Им оказалась красивая баба. Она сидела на мятой бочке возле автобуса и жарила зайца– мутанта над спиртовкой. Услышав мои шаги, баба резко повернулась, зацепилась кожанкой за огрызок поручня и смачно, умело выругалась. Я улыбнулся.

– Привет, сука, – сказал ей весело. Она вскинула голову, и тут меня словно стукнуло: я знал эту бабу.

– Лэя? – спросил я недоверчиво.

Она широко улыбнулась. Белые зубы на исхудалом коричневом лице выглядели оскалом черепа.

– Кауран, ты вновь выдержал...

– Чего выдержал? – машинально переспросил я.

Лэя нахмурилась.

– Ты не помнишь? Про лес и охоту, про ледяную равнину и мёртвую Луну?

Я почесал в затылке.

– Было чего-то такое... Кажись, я вчера перебрал с дозой. Пошли, трахнемся?

Она покачала головой.

– Нет времени. Надо спешить, он не будет ждать долго.

– Кто? – опешил я. – Никого ж не осталось. Последние мьюты уж месяц как передохли, я и не знал, что ты живая...

В голове моей смутно зашевелилось сомнение. Откуда я её знаю? Мелькнула тусклая картина: пустыня, большая статуя обезьяны, засыпанная по горло, с факелом в вытнутой руке. Мы жили в старом прицепе, я помню, у нас было две собаки... Да, всё верно, я даже убил оголодавшего панка, который хотел их сожрать. Но это неважно. Я хотел Лэю. У меня уже полгода не было бабы, даже если считать ту мутантную сучку за женщину...

– Мы должны спешить, – Лэя заглянула мне в лицо. – Кауран, ты помнишь дорогу?

– Какую, на хрен, дорогу? – огрызнулся я. – Никуда мы не пойдём, пока не трахнемся!

Вздохнув, она оглянулась, подошла к ближайшей ржавой машине, с хрустом отодрала матерчатый верх и кое-как обмахнула заднее сидение от пыли. Я глупо улыбнулся.

– Ну? – Лэя стянула с себя кожанку и забралась в салон. – Давай быстрее, у нас мало времени.

Я направился к ней, но притормозил. Что-то во всём этом было чертовски неправильно. Подумав, я сообразил, что не чувствую желания. Совсем. Какая-то махровая дрянь внутри меня тянула на юго-запад. Здесь сидела голая баба, а я хотел ехать на юго-запад! Это меня так стукнуло, что я даже остановился и почесал в голове.

– Чёрт... А мы очень спешим? – пробормотал я наконец. Лэя улыбнулась.

– Я знала, что ты помнишь дорогу, – он вновь натянула кожанку.

Я от злости сплюнул себе на ботинок.

– Дорогу... – крепко выругался. – Мать её. Пошли, заберём колёса.

Она встрепенулась.

– У тебя есть машина?

– Какая, рви ей п..., машина по такой земле? – злобно спросил я. – Мотоциклы. Гоночные. Из города пригнал, нашёл в развалинах автосалона. Прикончил десяток мьютов по дороге. Хотели отнять.

Лэя кивнула и уселась на мятую бочку ждать меня. Пришлось, как идиоту, тащиться на другой конец свалки и по– очереди вытаскивать мотоциклы за ограду. Пока закончил, пришла она, наверно ждать надоело. Мы вместе ширнулись на дорожку.

Я помог Лэе навьючить на спину тяжёлую канистру. Ещё по две привязали к мотоциклам, шестую взял я. Из-за перебора с топливом, пришлось оставить большую часть оружия, захватили только автоматы, десяток магазинов, два пистолета и по связке гранат на каждого.

Путь предстоял долгий.

***

Гнали весь день. Лэя один раз застряла в зыбучем песке, пришлось вернуться и вытаскивать. Земля здесь, вдали от города, стала немного лучше, даже траву видели однажды, правда мутантную, рыжую. Счётчик на руле непрерывно трещал. Сначала я боялся за Лэю – мне-то было чихать на радиацию, но вскоре увидел, как она смазывает себе поясничные шарниры. Тело у неё было отличное, почти не ржавое.

К вечеру нашли остов разбитого боинга и решили заночевать. Лэя разделась, в пурпурном свете гаснущего солнца она была чертовски сексуальная. Мы трахались почти до полуночи.

Она заснула первой. Я лежал на гнилом диване и считал звёзды сквозь дыру в обшивке. Чувствовал я себя странно. Какая-то паршивая мутантная гусеница копошилась в мозгах, хотя утром мы с Лэей вкололи совсем немного дряни. Перед глазами плясали миражи.

Сначала пригрезилась громадная лиловая гора, вокруг которой порхали мутанты. Вернее, это я решил, что мутанты, а они оказались большими тварями вроде льва, только крылатыми и с птичьими головами. Таких и с ДСТ не придумаешь...

Я словно в воздухе висел. Вверх по склону горы тянулась узкая винтовая

лестница из камня, по ней карабкались два кошачьих мьюта, серо– серебряный самец и чёрная самка. Не успел я подумать, откуда помню эту картину, как меня стукнуло: это же мы с Лэей!

Мьюты добрались до вершины и попали в засаду. Два десятка парней с клинками ждали их на скале. Кошки сражались отлично, я никогда не видел такого мастерства. Но их убили. Сначала рассекли горло самке, она захрипела, потом проткнули самца и столкнули его с горы. Мне стало нехорошо.

Чёрная кошка, задыхаясь, опустилась на камни. Люди не добивали, ждали. Один из них, кажется вожак, снял шлем и присел перед издыхающей мьюткой.

– За что?.. – прохрипела та еле слышно. – За что ты нас проклял?

Человек криво усмехнулся.

– Цель высшая моя, – сказал он, – что б наказание преступлению стало равным. Рука его обвела хмурое небо. Ледяной ветер гнал тучи.

– Вы, проклятые убийцы, задумывались хоть раз, на что обрекаете нас? – спросил человек, тяжело дыша. – Вы, творцы, хотели бы жить в мире, вами сотворённом?

– Да! – прохрипела кошка.

Человек оскалил вампирьи клыки.

– Так живите! – крикнул он яростно. – Живите той жизнью, которой наградили нас!

И он впился в горло умирающей кошке. Тело ещё долго билось в агонии.

Мне было плохо. Я понимал, что сплю, но не мог проснуться. А миражи продолжались. Теперь я видел заснеженный каменный монолит, ледяные горы и двух хрупких пернатых тварюшек, бредущих по камням. Кауран и Лэя, я знал их имена...

Впереди темнела пасть пещеры. Мы постояли у входа, пытаясь разглядеть, что таится внутри.

– Я войду первым, – сказал Кауран. И шагнул вперёд, но внезапно время остановилось. Замерли снежинки, влекомые ветром, перья Лэи перестали трепетать. Из пещеры показалось существо.

– За что? – спросил Я–Кауран. – За что ты нас проклял?

– Я проклял себя, – ответило Я–существо. – Но ты можешь спасти нас всех.

– Как? – спросил Кауран.

Существо ответило на его вопрос. Даже сейчас, в объятиях Лэи, я проснулся в холодном поту.

Теперь я знал, куда мы спешим.

***

Бензин кончился на пятый день. Мы столкнули мотоциклы в долину, где жили разумные змеи, они долго громыхали по камням. Несколько рептилий выползли из нор, посмотреть, кто нарушил покой. В их глазах не было счастья.

Утром шестого дня мы увидели город. Он темнел посреди пустыни, одинокий и нереальный. Остовы небоскрёбов торчали как рёбра убитых дельфинов, ветер пел заунывную песню о смерти. Я знал имя этого города. Никто не верил, что он существует. Но верили все. У города были тысячи имён, в разных мирах в нём жили разные жители. Но город был один.

Хотя его не было.

Мы шли по мёртвым улицам, не в силах нарушить жуткую тишину. Я знал, что Лэе известно о моём сне. Но она не задавала вопросов.

Когда мы проходили мимо энергостанции, Лэя остановилась.

– Кауран, – шепнула она. Я понял без слов. Мы вошли в здание, поднялись на второй этаж и включили большой красный рубильник. Где-то внизу, под землёй, с мерным гулом заработали машины.

Когда мы вышли на улицу, город показался живым. Сверкали лампы, гирлянды фонариков вдоль домов весело мерцали. Откуда-то доносилась прекрасная музыка. Мы шли по асфальту, раздвигая толпы призраков, мёртвые дети играли в парках, горячее солнце сушило наши слёзы. У входа в метро я увидел перевернутый крест. К нему был привязан скелет мутанта.

Вечером Лэя нашла кусок мела и вывела наши имена на какой-то серой стене. Я поднял голову. Стена тянулась высоко, к мрачной железной табличке с надписью "Бойня". Внутри было тихо. Смертные крики жертв давно канули в лету вместе с убийцами.

– Уйдём отсюда, – сказал я негромко. И мы ушли.

В жёлтом здании на окраине плескалась вода. Мы вошли внутрь и открыли все краны. Быть может, через сотни лет на месте этого проклятого города возникнет озеро, где вновь зародится жизнь. Пройдут миллионы веков. Здесь снова построят город, а в городе бойню. Но нас уже не будет, чтобы запустить проржавевшие насосы. Кто знает, может это и к лучшему...

Чёрная дорога вела из города к космодрому. Сильный ветер гнал пыль, жуткая тишина окружала каждый наш шаг. В небо, охотясь за умирающим солнцем, поднимались первые звёзды.

– Мы ещё можем вернуться, – одними губами сказала Лэя.

Я не ответил.

На космодроме горели красные прожекторы. Я знал, что произойдёт, когда мы подойдём к единственному открытому ангару, и всё же содрогнулся, встретив там существо из видения. Оно стояло рядом с гильотиной. Чёрные птицы летали вокруг, но страшную, смертоносную тишину нарушали только наши шаги. Мы шли рука об руку, Кауран и Лэя, два человека без тел, два тигра без памяти, две птицы без крыльев.

– Мы здесь, – сказала Лэя.

– Я вижу, – ответило существо.

– Ты готов? – спросил я.

– Нет, – ответило оно.

Мы подвели его к гильотине, уложили на липкие от крови доски. Лезвие со скрежетом поползло вверх. Лэя заплакала, я прижал её к груди. Нам было страшно.

– Когда я умру, погибнет ваш мир. – сказала существо.

– Мы знаем, – сквозь слёзы ответила Лэя.

– Вы тоже погибнете.

– У нас будет десять часов, – возразил я. – Мы успеем.

Существо загадочно улыбнулось.

– Лишь один из вас, – шепнуло оно, и, прежде чем мы успели понять, лезвие с грохотом рухнуло.

В следующий миг взорвался город за нашими спинами.

Эпилог

Я ловил капли крови с горящих тел, я смотрел на огонь сквозь призму снов. В бесконечной борьбе я его одолел, он погиб от копья из жестоких слов.

Я стоял на бетонном полу ангара, рядом с телом Лэи. Руки тряслись. Она шла за мной из любви, а я? Почему меня вела вперёд только ненависть?

Путь сделал нас живыми. Вырвал из проклятого театра, где все мы играли жестокие роли. Небо, звёзды, зачем мы стремились к свободе? Ведь не такой же ценой!

Оставалось десять часов. Мы с Лэей – персонажи одного рассказа. Если кто-то из нас гибнет, второй проживёт не больше десяти часов, так сказал творец. Разум мой вырвался из его плена, но тело оставалось послушным. Десять часов – переход – новый рассказ...

У меня мало времени. Я должен успеть. Долететь до другого мира, где живут крылатые, рассказать им правду. Они должны знать, что есть путь к свободе!

Я поднял на руки невесомое тело Лэи. Через десять часов мы снова встретимся – и не вспомним. Но эти часы, полные горя и боли, я буду жить. Не так уж мало: десять часов жизни посреди вечного сна.

Прижав Лэю к груди, я шагнул в ангар. Город за спиной продолжал гореть, откуда-то доносилась пошлая музыка радиоконикса.

Быть героем весело. Но я променял эту весёлую вечность на десять часов подлинной жизни.

Конец